

“КАРНАВАЛ” КАК ТЕРМИН М.М. БАХТИНА: ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ ТЕКСТА

© 2008 г. И. Л. Попова

Статья посвящена генезису и семантике понятия “карнавал” в контексте книги М.М. Бахтина о Рабле. Происхождение и смысл термина рассматривается сквозь призму истории текста: конспектов, набросков, черновых редакций, охватывающих период с конца 1930-х до начала 1960-х гг. В статье указываются вероятные источники концепции карнавала и раскрывается ее актуальный общественный смысл.

The article deals with the genesis and semantics of the term “carnaval” (carnival) in Bakhtin’s book on François Rabelais. The origin and meaning of the term is discussed in the light of the history of the text: its outline, drafts and rough versions from the late 1930s to early 1960s. The article points to some hypothetic source of the “carnival conception” and shows its meaning in the context of a totalitarian society’s atmosphere of the time.

Конституирование ряда терминов, вошедших в литературоведческий лексикон XX в., связано с книгой М.М.Бахтина о Рабле. Понятия “карнавал”, “смеховая культура”, “мениппея” хотя и существовали до Бахтина, но получили в его работе новый смысл, причем переакцентуация значений оказалась настолько существенной, что сегодня они осознаются именно как термины Бахтина. Исследование генезиса идей и понятий предполагает изучение контекста, в котором они формировались. Долгая и разножанровая история книги о Рабле, предшествовавшая ее первой публикации, затрудняет эту задачу.

Книга Бахтина о Рабле была задумана, по всей видимости, в конце 1920-х¹, завершена в 1940 г.

¹ Хотя первые сохранившиеся в архиве Бахтина наброски к “Рабле” относятся к концу 1930-х гг., есть основания предполагать, что замысел книги принадлежит более раннему времени. Сам автор в разные годы давал понять, что задумал свою книгу в конце 1920–начале 1930-х гг. Во вступительном слове к защите диссертации 15 ноября 1946 г. Бахтин говорил, что работал над ней “свыше десяти лет” [1]. В беседе с В.Д. Дувакиным 22 марта 1973 г. на вопрос «Вот когда Вы “Рабле” начали делать?» отвечал: «“Рабле” начал я еще в Кустанае. В Кустанае, а потом продолжал...», а после повторного уточняющего вопроса: “Так что вот эта Ваша замечательная книжка о Рабле начала писаться еще в Кустанае?” добавлял: “Да. Но основная работа, конечно, произошла уже позже” [2, с. 211, 212]. Близкая к названной Дувакину датировка засвидетельствована и В.Н. Турбиным. На вопрос, когда могла бы выйти книга о Рабле, не будь к тому никаких внешних препятствий, Бахтин, по признанию Турбина, уверенно отвечал: “Полагаю, что в 1933 году” [3, с. 446]. Хотя условность ситуации, предложенная Бахтину его собеседником, предопределяла и известную условность ответа, скудость материалов заставляет учитывать и косвенные свидетельства, не преувеличивая, впрочем, их значимости и не настаивая на возможности рассматривать их в качестве неопровержимых доказательств датировки.

(первая редакция “Франсуа Рабле в истории реализма” [1]), защищена в качестве диссертации в 1946 г., переработана по замечаниям ВАК в 1949–1950 гг. (вторая редакция “Творчество Рабле и проблема народной культуры средневековья и Ренессанса”), напечатана, с новыми дополнениями и изменениями, в 1965 г. [4]. Хотя концептуальное ядро книги на протяжении ее четвертьвековой “рукописной” истории было сохранено, текст и терминологическая парадигма претерпели существенные изменения: в орбиту исследования попадали новые идеи и источники, на которые, согласуясь с меняющейся научной ситуацией, откликался Бахтин, в то время как следы ранних влияний постепенно стирались.

Круг основных понятий “Рабле” был определен в конце 1930 – начале 1940-х гг.: “карнавал” и “готический (гротескный) реализм” – в первой черновой редакции (1938–1939), “смеховая культура” – в первой редакции (1940), “мениппова сатира” – в набросках к переработке книги первой половины 1940-х гг. В 1960-е гг. семантика понятия “карнавал” осталась в основном неизменной, понятие “смеховая культура” было существенно развито и углублено, от термина “готический (гротескный) реализм” как от одного из основных понятий Бахтин отказался, термин “мениппова сатира” и связанный с ним исследовательский сюжет, скорее по техническим причинам, нежели по воле автора, в издание в 1965 г. не вошел. Тем не менее термин “мениппова сатира”, известный по второму изданию книги Бахтина о Достоевском [5], сформировался первоначально в контексте “Рабле” и без него ни история, ни концепция книги не может быть прочитана адекватно.

Таким образом, история книги о Рабле подсказывает методологическую необходимость исследования идей и понятий *сквозь призму истории текста* – от первых набросков 1930-х гг. до издания 1965 г. Поскольку происхождение терминов, нюансы значений, часть реального контекста и терминологическая парадигма книги как системное целое становятся понятными при учете черновиков и ранних редакций. Более того, картина, открывающаяся при изучении архивных материалов, существенно корректирует представление, основанное на анализе прижизненно опубликованных текстов.

Понятие “карнавал”, генезису которого посвящена эта статья, – центральное и наиболее разработанное в книге Бахтина о Рабле. Бахтин говорит о карнавале в двух значениях: “узком” и “расширенном”. В узком смысле “карнавал” (из фр. *carnaval* от ит. *carnevale*: *carne* “мясо” и *vale* “прощай” [6, с. 202]) – праздник на мясопустной неделе перед великим постом. В расширенном смысле “карнавал” – это система “идей-образов”², в основе которой лежит особое чувство жизни и истории; универсальной формой карнавала является праздничная жизнь как таковая, в ее целом, во всем ее существе, связях и отношениях (к Богу и человеку, к пространству и времени, к телу и душе, к еде и питью, к смеху и серьезности и т.д.).

Определение “карнавала” в расширенном смысле проходит через всю историю книги о Рабле: от набросков конца 1930-х гг. до издания 1965 г. Более того, именно появление термина “карнавал” в тетрадях Бахтина отмечает начало работы над книгой, отделяет подготовительные записи к ней от исследования романа Рабле в контексте теории и истории романа (“Слово в романе” [9], “<Формы времени и хронотопа в романе>” [9], “Роман воспитания...” [10] и др.).

В “<Идее карнавала>” – одном из первых фрагментов к “Рабле” – Бахтин пишет: “Карнавал – некая система, обладающая своей своеобразной логикой, проникающей каждый участок его и каждый его образ. В основе его лежит особое чувство жизни и истории (человеческого общения, слова, быта и др.)” [1]. В первой черновой

редакции он разграничивает два значения понятия “карнавал”: «Мы говорим не о карнавале в узком смысле. Карнавал – форма, дожившая до наших дней. В ней мы видим черты, присущие всей народно-праздничной культуре (праздник дураков, масленичные игры и шествия и пр.). Это позволяет нам употреблять эпитет “карнавальный” в расширенном смысле, имея в виду народно-праздничный характер, ближе всего нам знакомый по карнавалу» («<Тетради к “Рабле”>» [1]). В издании 1965 г., сохраняя исходное различие “карнавала” в узком и расширенном смысле, Бахтин усиливает значение смеха как конститутивного признака карнавального мироощущения: “Карнавал – это вторая жизнь народа, организованная на начале смеха. Это его п р а з д н и ч н а я ж и з н ь” [4, с. 11].

В расширительном смысле термин “карнавал” использовался и до Бахтина. Принципиальное значение для постановки проблемы карнавала как особого чувства жизни и истории в европейской науке и философии XX в. имела работа Ф. Ранга “Историческая психология карнавала”. Статья была завершена в 1909 г. (на титульном листе рукописи помечено “Goblentz 1909”); после первой мировой войны Ранг ее переработал и планировал напечатать в первой тетради “*Angelus Novus*”, однако статья появилась уже после смерти автора (Ранг умер в 1924 г.), в журнале “*Die Kreatur*” [11]³. Примечательно, что проблематика статьи занимала центральное место в беседах Ранга и В. Беньямина, когда Ранг диктовал, а Беньямин записывал в рабочей тетради Ранга один из самых темных его фрагментов “Агон и театр” (“*Agon und Theatr*”)⁴.

Ранг называет “карнавалом” любой календарный праздник на стыке времен года, в основе которого – смена ролей (“*Rollentausch-Fest*”), и находит праздники карнавального типа в Месопотамии, Вавилоне, Египте, у арабов, греков, римлян и т.д.

Обряды праздников, картина мира и сам характер карнавального смеха у разных народов в разные исторические периоды существенно отличаются друг от друга. Ранг показывает, сколь специфичен карнавальный смех, например, у вавилонян, греков, римлян, у народов средневековой Европы: язвительная насмешка в ритуалах вавилонян; “смех-счастье” у греков; лишенный трагического элемента жизнеутверждающий смех римлян и т.д. Однако есть и нечто общее, позволяющее говорить об этих праздниках как явлении

² Бахтин употребляет понятие “идея-образ” со ссылкой на книгу К. Бурдаха “Реформация. Ренессанс. Гуманизм” [7]. Бахтин, как и Э. Кассирер [8, с. 71], особо ценит сделанный Бурдахом скрупулезный анализ “идеи-образа” “возрождения”, понятий “ренессанс” и “реформация” в их становлении. Бурдах рассматривает историю понятий не в узких границах эпохи, а в их историческом генезисе, на длинном промежутке времени, включающем в себя смену эпох и культур (т.е. “не в поперечном разрезе эпохи, а в продольном разрезе, как генетический процесс, во всех его изменениях” [7, с. 6]). Термин “идея-образ” здесь принципиален: Ренессанс, полагает К. Бурдах и с ним всецело соглашались Кассирер и Бахтин, не мог быть результатом только интеллектуальных усилий.

³ Влияние Ф. Ранга на русскую философскую мысль – прямое и опосредованное – изучено мало и вследствие этого недостаточно оценено. В. Беньямин называл Ранга “самым глубоким критиком национальной самобытности немцев после Ницше” [12, с. 254], а М. Бубер “одним из благороднейших немецких граждан нашего времени” [13].

⁴ См. об этом например: [14, с. 66].

ях одного типа и называть их общим словом “карнавал”.

Элементами карнавала, по Рангу, являются: костюм, маска, питейная и любовная оргии, танец, шествие, мир наизнанку и т.д. [11, с. 312]. Последний из перечисленных элементов, “мир наизнанку”, – основной конститутивный признак праздника карнавального типа, обозначающий смену в устройстве мира и моральную оценку этой смены.

Так, рассматривая картину мира и структуру карнавала у вавилонян, Ранг особо отмечает соответствие мировых планов: земля и небо, звезда и человек, каждая вещь мыслится во взаимосвязи (“Небо – прообраз, земля – отражение” [11, с. 319]). Перемена положения небесных сил находит соответствие в земной жизни: в смене времен года и в карнавальной смене ролей. В согласии с этими представлениями астрология отводила карнавалу специальное место: карнавал покрывал поворотное время, переход от старого к новому. Не надо, впрочем, понимать время карнавала как механический момент смены, это кризисная ситуация, требующая своего осознания с точки зрения добра и зла: “Карнавал – это пауза между отречением и интронизацией (<...> король умер, да здравствует король <...>)” [11, с. 317].

Отсутствие праздников карнавального типа у первобытных народов Ранг объясняет их ориентацией на лунный календарь, в котором смена времен года не имеет решающего значения, как в солнечном календаре: “...Их маски, танцы, игры не разыгрывают мир наизнанку. Грубая шутка живет там же, где и святость, колыбель безумия пребывает в доме мудрости” [11, с. 314].

Карнавал как праздник перехода – это время “узаконенного беззакония” (“gesetzliche Gesetzlosigkeit” [11, с. 316]). Прощание с прошлым, карнавальная свобода, как свобода “междоцарствия”, избавляет человека от страха. О каком страхе идет речь и какова природа этого страха? Во-первых, это “атавистический страх”, т.е. воспоминание о страхе перед ушедшим прошлым (свергнутым правителем и т.д.); во-вторых, “страх перед возвращением страха”, т.е. страх перед неизвестным будущим, которое может повторить и даже усугубить свергнутый порядок и тем самым воскресить пережитый прежде страх; в-третьих, непреходящий страх смерти, временное освобождение от которого происходит в пьяной оргии карнавала. (Ранг отмечает момент освобождения от страха и другой, обратный ему, момент освобождения от собственного бесстрашия, переживаемый участниками карнавала.)

Разрешить, узаконить карнавал – значит сделать радикализм благоразумным, превратить беспорядок переходной эпохи в элемент порядка: “Мудрость, с календарем в руке узаконивая безза-

коние, возводит на престол господина, избирает на период междоцарствия, когда все духовные авторитеты померкли, временного правителя” [11, с. 320].

С точки зрения философии истории, карнавал, по Рангу, – вечный спутник человечества: “Путь человечества – это путь духа, а путь духа – это путь страстей (Ранг специально подчеркивает: “Дух означает не эволюцию души, а страсти души, страсти вплоть до революции” [11, с. 333]), и коль скоро мы идем по этому пути, пусть не без колебаний, но все-таки идем упорно – на этом пути <...> нас сопровождает карнавал, то безо всякого смеха, то со смехом радости или злобы” [11, с. 343].

Центральная проблема “исторической психологии карнавала”, по Рангу, то, ради чего, собственно, следует предпринимать исследование карнавала, – карнавал и вера, точнее, смена веры, низвержение старого и рождение нового бога. Ранг рассматривает карнавал как часть истории религии: “карнавальный смех – первое кощунство” [11, с. 314], и пользуется при этом понятием “мысль-поступок” (“Denk-Tat” [11, с. 315]). В период перехода, кризиса, смены веры, коренной перестройки мировоззрения сопрягаются трагедия и карнавал: “В трагической козлиной песни карнавал побеждает сам себя; опьянение, присваивающее свободное слово, облакающее свое безумие в язвительную насмешку и язвительное высказывание, облакает их затем в слово спасения, прокладывающее путь к поступку, который – через сотворение нового бога, веры в бога нового типа: богочеловека – выводит из состояния скорби насмешку, низвержение бога и смерть бога” [11, с. 336].

Необходимо подчеркнуть: Ранг не исследует литературные тексты, он остается в границах исторического изучения праздничной культуры (того, что Бахтин называет “смеховой культурой”). Но и здесь он не стремится к фундированному описанию исторических праздников карнавального типа в различных обществах и традициях. Ему важно другое: исследовать “историческую психологию карнавала” как практику перехода, смены, коренного переустройства мира, чтобы затем спроецировать ее в современность, стоящую на пороге кризиса.

В начале работы Ранг задается вопросом: что значит история карнавала в эпоху войн и революций? чему должен служить анализ истории смеха? и чем является смех в новую эпоху, когда человечество стоит на пороге перемен и “революция стучится в дверь” [11, с. 311]? Вероятно, чем-то совсем иным, нежели в эпоху козлиной песни и сатурналий: карнавал судьбы (индивидуальной и социальной) знаменует разлом “счастья, порядка и покоя”.

Карнавал, по мнению Ранга, демонстрирует современному человеку историческую практику прохождения через ситуацию кризиса, поворота, разрушения старого и рождения нового: “Может, извержение карнавального вулкана покажет нам, на какой вулканической породе мы стоим. В этот почти потухший кратер мы в состоянии заглянуть. И, возможно, тогда мы будем способны понять то, что нам не ясно. <...> Разрушительные ситуации и разрушительные силы человеческого общества заявляют о себе. Историческая психология карнавала – еще дышащий, снова дышащий вулкан; мы находимся здесь на <...> средоточии разлома. Приложим ухо к земле: мы услышим в шуме потока страстей и жара толчок, конвульсию, крик – страшный смех: прорыв злого человеческого смеха” [11, с. 312].

Знакомство Бахтина со статьей Ранга документально не подтверждается: ссылки на нее или ее конспект или упоминание о ней в письмах, мемуарах и иных источниках нам не известны. В то же время ранние наброски к “Рабле” свидетельствуют, что Бахтин работу Ранга, конечно, знал – постановка проблемы карнавала в расширенном смысле, внимание к моменту кризиса и смены, характеристики карнавала (карнавальная относительность – прежде всего) содержат в себе аллюзии, нередко полемические, на “Историческую психологию карнавала”. Скорее всего, Бахтин мог читать статью Ранга в конце 1920-х гг., а в конце 1930-х откликнулся по памяти. Опыт Ранга, его духовная энергия, мощный пафос теории карнавала как исторической “психотерапии” общества, стоящего на пороге разрушительных войн и революций, искушает к экстраполяции этой схемы на книгу Бахтина, тем более, что история России первой половины XX в. располагает к этому никак не меньше, чем история Германии. Интерпретации такого рода – проекции бахтинской теории карнавала на сталинский террор, предпринятые Рыклиным [15] и Гройсом [16], – хорошо известны.

И все-таки в прямом наложении историософских схем Ранга на книгу Бахтина есть известный методологический изъян: во-первых, проекции исторического опыта карнавала на актуальную современность у Бахтина, в отличие от Ранга, не прослеживаются, и дело здесь отнюдь не в цензуре – теория карнавала Бахтина, сложившаяся в 1920–1930-е гг., хотя и имеет те же философские корни, что и созданная в 1900–1910-е гг. теория Ранга, в отличие от нее – как раз в силу уже пережитого опыта катастрофических войн и революций – не наивна; во-вторых, для Бахтина проблема карнавала – “идеи-образа” карнавала – не сводится к историческому, психологическому и религиозному аспектам, она оплотняется образом и языком – “лексическим карнавалом” Франсуа Рабле: Бахтин исследует не религиозный акт очищения и не

акт исторической психотерапии социума, проходящего через катастрофу веры и истории, через крушение “счастья, порядка и покоя”, а эстетический катарсис, но не трагический, а смеховой, или карнавальный⁵.

Отдельные опыты использования понятия “карнавал” в расширенном смысле – для исследования явлений праздничной культуры, литературы и театра – в 1920–1930-е гг. известны как в Европе, так и в России. Следует, впрочем, подчеркнуть: это именно частные, локальные обращения к модной в те годы проблематике праздника, ритуала, архаических истоков образности, и элементы теории карнавала мы распознаем в них сегодня только благодаря знанию концептуально значимых работ, которые, собственно, эту теорию и создали, – таких, как работы Ранга и Бахтина.

Актуальный для “Рабле” пример локального использования теории карнавала в 1930-е гг. принадлежит Адр. Пиотровскому. В очерке “Комедийный театр Аристофана”, предпосланном первому полному переводу сочинений греческого комедиографа на русский язык⁶, Пиотровский говорит об истоках и свойствах праздничного “победоносного” смеха аристофановых комедий. Празднество он рассматривает как “метафору становления”, а древние земледельческие праздники и комические агоны типа “спора зимы с летом” и “спора жизни со смертью” – как карнавальные формы: «Да это и есть “карнавал” в исконном и подлинном смысле слова. “Каррус навалил” – “телега-корабль” – становится теперь неотъемлемой частью празднеств, напоминая о свершившейся победе человеческого общества над плодоносящей землей и над кишашими рыбами морем и занимая в качестве ритуальной площадки действия место свое рядом с исконным “столом” – “алтарем”, символом “жертвы” и “жратвы”» [18, с. 9].

Разумеется, статья Пиотровского, в отличие от работы Ранга, не может рассматриваться как источник “Рабле”, это явления сосуществующие; замечания Пиотровского свидетельствуют об актуальности проблемы “карнавала” в 1930-е гг., об общей научной ситуации, расположенной к восприятию и развитию теории карнавала в том направлении, которое было задано Рангом.

Знакомство Бахтина со статьей Пиотровского вероятно, по крайней мере, подготовленное Пиотровским издание Аристофана Бахтин знал: в его библиотеке, по свидетельству Л.С. Мелиховой, сохранился второй том “Комедий”. Ссылки на работы Пиотровского во время подготовки “Рабле” были невозможны: их автор был арестован и рас-

⁵ Сопоставление теории смехового катарсиса Вяч. Иванова с концепцией Бахтина см.: [17, с. 421].

⁶ Благодарю В.Е. Хализева, указавшего на эту работу.

стрелян. Сегодня в РГБ хранится экземпляр перевода Аристофана, из которого не вырезано предисловие и не вымарано имя автора вступительной статьи, комментариев и перевода, – под шифром Z 69/623.

Хотя конституирование термина “карнавал” в записях Бахтина произошло в 1930-е гг. и основные значения его не претерпели существенных изменений, теория карнавала на протяжении истории книги развивалась и углублялась, уточняющую нюансировку получали и ее основные понятия, в том числе понятие “карнавал”.

Значение термина “карнавал” Бахтин, как уже говорилось, определяет в наброске “<Идея карнавала>”, обрамляющем концепт описания “римского карнавала” 1788 г. из “Путешествия в Италию” Гете. Структура рабочей записи наглядно показывает, как от “философии карнавала” Гете Бахтин переходит к основным положениям своей будущей книги. Сказанное не означает, конечно, что текст Гете был основным и тем более единственным источником концепции карнавала. Разумеется, Бахтин формулирует здесь давно продуманные, опирающиеся на серьезную литературную, научную и философскую традицию, тезисы, однако для понимания исследовательской логики этот контекст имеет особое значение: здесь видно, как связаны друг с другом два замысла Бахтина 1930-х гг. – о Гете (романе воспитания) и о Рабле, как “идея карнавала” становится объединяющей и обрамляющей обе книги.

Семантика понятия “карнавал” определена здесь предельно широко; она охватывает и язык, или “стилистический облик” писателя: «Стилистический облик Раблэ как “карнавал слов»» (Бахтин пользуется метафорой К.Фосслера: “lexikalischer Karneval”), – и характеристику реализма, который сначала назовет “готическим”, а потом – “гротескным”: «Идея “карнавального реализма”». Именно этот карнавальный утопический реализм характерен для Возрождения (и для Боккаччо, для Шекспира, для Сервантеса, для Раблэ). Здесь раскрылась и возродилась исконная связь искусства, зрелища, слова с карнавалом (точнее – с тем, что в современности было представлено карнавалом). Это характерно для эпохи, для исторического момента: сама история актуализировала здесь карнавальную сторону искусства и слова» [1].

Необходимо заметить: хотя понятие “реализм”, вынесенное в заглавие первой редакции “Рабле” (“Франсуа Рабле в истории реализма”, 1940 г. [1]), в значительной мере было уступкой идеологическим установкам и приоритетным направлениям советского литературоведения 1930-х гг., в его использовании прослеживается и собственно научная традиция – в контексте реализма смеховую, праздничную культуру было принято рассматривать в 1910-е гг. (ср., напри-

мер, § III первой главы из книги Г. Райха “Мим”: “Мим и реализм в литературе античности” [19]).

В наброске “<Идея карнавала>” Бахтин обозначает основные аспекты карнавального комплекса: проблему тела и телесности, пира и пиршественных образов, карнавальной площади и карнавальной утопии. Примечательно, что тело – “космически-стихийное” тело, карнавальное тело в мировых стихиях: воздухе, воде, земле, огне – Бахтин рассматривает с точки зрения пространственно-временных координат (с такой же острой момент ориентации карнавального тела в пространстве будет заявлен еще раз только в «Дополнениях и изменениях к “Рабле”» 1944 г. [17, с. 81 и др.]): “Рождение и формирование человеческого тела и его отношения к космосу и стихиям <...>. Момент смешного в летающем теле <...>: сальто-мортале, кувыркания, полеты, падения, подбрасывания и сбрасывания. Ориентация тела в отношении земли, неба и солнца. Хроно-топ: тело в воздухе. Тело в земле; тело в огне (образ Эмпедокла) и тело в воде. Такое же космическо-стихийное значение принадлежит к чертам наружности (точнее – масок): звериным чертам (петушину обличью), росту (карлик, великан), горбу (dossenus), рту и др. Такой же характер носят быто-космические акты космических действий (еда, питье, совокупление и др.). В атмосфере карнавала раскрывается исконное значение всех этих черт, потому что падают все разъединяющие, условные, иерархические отношения” [1].

В “<Идеи карнавала>” уже сформулированы основные положения будущей книги, но при этом еще различимы скрытые в завершенной работе отклики на актуальные источники: традицию изучения языка Рабле школой Фосслера (см. [20]) и теорию карнавала Ранга. Бахтин определяет карнавал как зрелище без рампы (“Площадной и уличный характер – нарушение рампы”); отмечает “мирообъемлющий характер” карнавального смеха и присущую карнавалу относительность: “Момент карнавала в оформлении действительности. Карнавал не нового года, а новой эпохи. Прогоняют старого переодетого царя, срамословя его. Все положения приобретают карнавальную относительность. <...> Специфическое ощущение относительности всех исторически сложившихся форм, всех иерархических отношений, ощущение освобожденности от них, игры всего со всем” [1]. Последний тезис отчетливо развивает идеи Ранга: в утверждении карнавальной относительности и карнавальной свободы – самом уязвимом положении книги Бахтина с точки зрения критиков 1980–1990-х гг. – побудительное влияние Ранга особенно ощутимо.

Впрочем, и в этом, восходящем к Рангу, тезисе Бахтин делает следующий шаг в сравнении со своим предшественником: формулирует мысль

об *утопичности* карнавальной идеи “свободы и равенства”. Примечательно, что для этого следующего шага Бахтин использует образ Мениппа, *смеющегося Мениппа* – так впервые в контексте материалов к “Рабле” проступает будущий “мениппейный” сюжет: «Образ смеющегося Мениппа у Лукиана. Это – смеющаяся смерть (философия как размышляющая смерть). Предмет смеха-посрамления – относительность всего (внеисторические абстрактно-философские обобщения относительного). Точка зрения умершего как наиболее благоприятная позиция для смеха. На смену этой абстрактной безусловной относительности приходит у Рабле относительность историческая (относительная относительность). Смеется историческая смерть; предмет смеха историческая относительность (относительная относительность). Смеется историческая смерть; предмет смеха историческая относительность (умирающая эпоха); наиболее благоприятная позиция для смеха – рождающаяся новая историческая жизнь, новая эпоха. Смеется рождающееся будущее. В этом отличие от кинического и эпикурейского смеха. Отсюда и иной характер карнавала: карнавал повернут в будущее (не без примеси утопии). <...> “Совершенная свобода” Мениппа и карнавальная свобода» [1]. Таким образом, уже в первом развернутом наброске к будущей книге сопрягаются идея карнавала и идея мениппеи, карнавальный смех и Мениппов смех, “совершенная свобода” Мениппа и утопическая свобода карнавала.

В первой черновой редакции “Рабле” понятие “карнавал” разработано детально, с “запасом”, не до конца реализованным как в редакции 1940, так и в редакции 1965 г., оплотно нюансами смысла, очерчено ясно, как в своем объеме, так и в производных: “карнавальная площадь”, “карнавальная свобода”, “карнавальные вольности”, “карнавальное тело” и “карнавальное отелеснение мира”, “карнавальное восприятие времени”, “карнавальный утопизм”; “карнавально-праздничные образы”, “карнавальный тип построения образов” и “карнавальные детали образа”, “карнавальный гротеск” и “карнавально-гротескный образ”, “первичная карнавально-сказочная интуиция” (“Гофмановского мира” и Диккенса), “большой карнавальный стиль”, “карнавально-праздничные формы”, “карнавально-утопическая стихия”, карнавальное как “встреча сменяющихся эпох и мировоззрений”, “карнавальное осознание мира (примененное к восприятию исторического процесса)”, “карнавальное осознание истории” (“нового восприятие истории”). Однако при этом Бахтин не устает напоминать об “условности” термина как такового: «Условность нашей терминологии: “гротеск” и “карнавал”» («Тетради к “Рабле”», конец 1938–1939 [1]).

Следующий принципиальный шаг в разработке термина “карнавал” и его производных сделан во второй редакции книги, подготовленной в 1949–1950 гг. Для характеристики влияния карнавального комплекса на обыденное и литературное сознание, на художественный образ и литературный язык Бахтин вводит понятие “*карнавализация*”, которое затем сохранит в редакции 1965 г. и включит в переработанную четвертую главу “Проблем поэтики Достоевского” [5]. Во второй редакции “Рабле” термин “карнавализация” использован в дополнении к четвертой главе (“карнавализация сознания”); в седьмой главе – после анализа эпизода с подтирками (“карнавализация мира, мысли и слова”), как добавление к характеристике образа преисподней (“традиция карнавализации официальных христианских представлений о преисподней, т.е. карнавализация ада, чистилища и рая”), как дополнение к анализу стиля вокалан (“Это была своего рода карнавализация речи, освобождающая ее от враждебной хмурой серьезности официального мировоззрения, а также и от ходячих истин и обычных точек зрения”); в восьмой главе, в качестве дополнения к характеристике языка XVI в. и языка Рабле (“И здесь в области языка – происходила та же карнавализация сознания”); в заключении (“Карнавализация сознания была необходимою ступенью к формам новой научной серьезности, свободной от страха и ложного благоговения”).

Таким образом, распространенное представление, согласно которому понятие “карнавализация” было введено в начале 1960-х гг. при подготовке четвертой главы “Проблем поэтики Достоевского” [5], не подтверждается. Разработка термина “карнавал” и его производных, в том числе понятия “карнавализация”, относится к 1930–1940 гг. Как видим, исследование термина “карнавал” сквозь призму истории текста позволяет не только уточнить его генезис, круг источников и нюансы смысла, но и проследить семантику понятия в развитии – на протяжении трех десятилетий работы Бахтина над книгой о Рабле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Собр. соч. В 6 т. Т. 4. Кн. 1. М., 2008 (в печати).
2. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М., 1996.
3. Турбин В.Н. О Бахтине // Турбин В.Н. Незадолго до Водолея. Сб. статей. М., 1994.
4. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
5. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. Изд. 2-ое, стереотипное. М., 1986.

7. *Burdach K.* Reformation, Renaissance, Humanismus, Berlin, 1918.
8. *Cassirer E.* Philosophie der symbolischen Formen. II Teil: Das mythische Denken. Berlin, 1925.
9. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
10. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
11. *Rang F.Ch.* Historische Psychologie des Karnevals // Die Kreatur. 2. Jg. Berlin, 1927–1928.
12. *Benjamin W.* Wieder ein Meisterwerk // *Benjamin W.* Gesammelte Schriften. Bd. III. Frankfurt, 1974.
13. *Buber M.* Unveröffentlichte Notiz. Jerusalem, 1946.
14. *Jäger L.* Über Florens Christian Rang // *Rang F.Ch.* Historische Psychologie des Karnevals / Hgg. von Lorenz Jäger. Inkmann&Bose, MCMLXXXIII.
15. *Рыклин М.* Тела террора // Бахтинский сборник. Вып. 1. М., 1990.
16. *Гройс Б.* Тоталитаризм карнавала // Бахтинский сборник. Вып. 3. М., 1997.
17. *Бахтин М.М.* Собр. соч. В 6 т. Т. 5. М., 1996.
18. *Пиотровский Адр.* Комедийный театр Аристофана // *Аристофан.* Комедии / Перевод, вступ. статья и комментарии Адр. Пиотровского. Т. 1. М.: Academia, 1934.
19. *Reich H.* Der Mimus. Ein litterar-entwicklungsgeschichtlicher Versuch. 2 Bd. Berlin, 1903.
20. *Попова И.Л.* “Лексический карнавал” Франсуа Рабле: книга М.М. Бахтина и франко-немецкие методологические споры 1910–1920-х годов // НЛО. № 79 (2006).